

— Выстрел! Прозвучало трижды...

— Получил пулю?! Какого чёрта здесь творится? Сколько ещё неприятностей он должен мне доставить, прежде чем успокоится?!

— Старший брат, остынь...

— Господин Пэй, прошу прощения, это я проявил излишнюю беспечность и не уследил за ним. Если бы я знал, что у того человека при себе оружие, я бы непременно...

— Он ранен в голову, правое плечо и поясница прострелены. Сейчас из-за сильной кровопотери за его жизнь борются врачи, он ещё не до конца вне опасности...

— Живее позовите заведующего нейрохирургией Сюя! Пуля вполне может оставаться в голове!

— Кровь в банке на исходе! Кто из родственников может немедленно сдать кровь?

— Я! У меня с ним одинаковая группа крови.

— Хватит дурить, старший брат! Ты ведь только после операции... Прости, давай я!

В отделении неотложной помощи царил полный хаос, все суетились, быстрым шагом сную туда-сюда. Ни у кого не оставалось ни времени, ни мыслей на то, чтобы обратить внимание на Цзи Фэна, который в растерянности приехал в больницу вместе со скорой.

Единственным человеком, кто не пострадал в этой драке с применением насилия, которую полицейские впоследствии охарактеризуют как устроенную в крови баню, был именно он.

Цзи Фэн, в конце концов, всего лишь отпрыск богатой семьи, а не бандит. Хотя у него за пазухой и пряталось оружие, но исключительно ради устрашения, и он вовсе не собирался его пускать в ход. Просто ситуация вышла из-под контроля настолько неожиданно для него...

Он уже нашёл столько помощников, даже специально нанял профессионалов за немалые деньги, но все они были тяжело избиты одним-единственным человеком. Объятый ужасом, он выхватил своё последнее оружие и истерично закричал: «Не подходи! Еще шаг, и я выстрелю!», однако тот человек будто не слышал и не видел пистолета в его руках, неумолимо надвигаясь на него, с ног до головы испачканный кровью его подручных...

Последующие несколько секунд в его памяти зияли пустотой. Когда он пришёл в себя, то обнаружил, что по-прежнему цел и невредим, а жестокий, ужасающий зверь был остановлен и теперь неестественно тихо лежал ничком в луже крови. Недавнее безумие казалось лишь галлюцинацией... Лишь едкий запах пороха и крови долго висел в притихшем воздухе.

Дрожа, он неподвижно стоял с пистолетом в руке, а широко распахнутые от страха глаза хоть и слезились от едкого воздуха, не могли моргнуть ни разу. Он оставался последним человеком на ногах в этой кровавой бойне... но с этого мгновения он погрузился в бездонный, жуткий кошмар, из которого не было возврата.

— Я не хотел... Он чуть всех нас не забил до смерти... Я вынужден был выстрелить... Я правда не хотел...

Суэта в больнице продолжалась, и оставалось загадкой, выжил тот человек или нет. Цзи Фэн вовсе не смел смотреть правде в глаза, он лишь забился в угол, обхватив голову руками, и бессвязно бормотал одно и то же.

Пока не явилась полиция и не увезла его.

— Старший брат, по-твоему, хорошо и дальше так продолжать?

Как только состояние Пэй Чэна временно стабилизировалось, ему тут же провели операцию на голове, извлекли всё ещё остававшуюся в теле пулю. Пэй Инсюань стоял вместе со старшим братом перед дверью операционной и смотрел на эту ледяную стеклянную дверь, сдвинув брови к переносице.

Эту же картину он пережил совсем недавно. Тот, кого оперируют, под наркозом ничего не чувствует, а те, кто ждут за дверью, каждую минуту и каждую секунду претерпевают страшные муки, как им понять это?..

— ...Что ты хочешь сказать? — полуприкрыв глаза, отозвался Пэй Иньсы. Он поднял руку к пустому карману рубашки, словно намереваясь достать сигарету, и тут же безвольно опустил её.

— Ты прекрасно понимаешь, к чему я веду. — Поразмыслив с минуту, произнёс Пэй Инсюань: — То, что в Чэна стреляли, кажется абсурдным не тебе одному, я и сам не могу в это поверить. И ведь не один раз, а целых три — три выстрела от дилетанта, и все точно в цель.

— ...

— Я жалею о том, что было с Чэном... Ты ведь тоже, да, старший брат? Нам не следовало давить на него, он никогда не был из тех, кто покорно во всём подчиняется.

— Это была просто случайность, к делу это не относится.

— Не относится? Хватит обманывать самого себя. — Пэй Инсюань с лёгкой усмешкой бросил взгляд на упрямящегося брата, в его глазах не было и следа веселья. — Неужели ты прольёшь слезы только тогда, когда увидишь гроб?

— Ты... заткнись! — Лицо Пэй Иньсы мгновенно помрачнело, в такой момент он на дух не выносил никаких дурных предзнаменований.

— Если только он сможет благополучно пережить это и остаться в живых, какая разница, если он вздумает жениться на мужчине. — Продолжительность операции казалась тревожно долгой, и Пэй Иньсюань отвёл взгляд от закрытых створок, с трудом скрывая усталый вздох:

— Я всё обдумал. Связь между Чэном и тем пареньком нам не разорвать... Не забывай, он ведь твой сын, ваше упрямство абсолютно одинаково.

Впоследствии этот инцидент удалось полностью замять. Узнав, что операция младшего брата прошла успешно, Пэй Иньсюань немедленно занялся блокированием утечки информации: хотя кое-кто из журналистов был в курсе, никто ничего не опубликовал. Единственной новостью о всегда державшемся в тени семействе Пэй за последнее время стало лишь то, что Пэй Иньсы перенёс рак и успешно перенёс операцию по удалению опухоли.

Даже в школе Сеян никто из учителей и учеников ничего не знал. Что уж говорить о Фан Боцяо, который находился далеко за границей.

Он не появлялся на занятиях сразу после окончания финального матча, а позже поползли слухи о том, что он взял академический отпуск... Честно говоря, никто из его одноклассников или товарищей по баскетбольной команде не нашёл это странным.

Пэй Чэн изначально казался чужеродным элементом в этой обычной старшей школе, и раз исчезла единственная причина, заставлявшая его здесь оставаться, его уход выглядел вполне естественным... Однако поступок, когда он оставил после себя легенду в истории школы Сеян и тут же исчез, всё равно потряс многих, а немало девчонок, ставших его фанатками благодаря школьной лиге, испытали глубочайшее разочарование.

— Капитан, ты знаешь, не только девочки, но даже молоденькая новенькая учительница и та самая медсестра из медпункта спрашивают меня, куда подевался Пэй, почему он взял академ, играем ли мы всё ещё вместе в баскетбол тайком от всех... Юйцин вообще хуже всех, говорят, девочки из его класса просто проходу ему не дают... ==|||... Эх... Беда в том, что мы и сами ничего толком не знаем...

С тех пор как они начали общаться по электронной почте, Лэй Тяньвэй писал ему каждый день, болтая о школьных и командных мелочах. Упоминание о том, что Пэй Чэн взял академ и пропал без вести, вновь всколыхнуло лёгкую рябь в душе Фан Боцяо, когда он прочитал это.

Хотя в этом не было ничего удивительного. Такой конец на самом деле оказался куда более мирным, чем он себе воображал...

Он помнил каждое слово, сказанное ему в тот день на повышенных тонах. Сколько времени пройдёт, прежде чем он сможет забыть об этом, он тоже не знал.

Бабушке стало лучше, с другого конца океана от отца то и дело приходили сообщения с призывом скорее возвращаться домой. Сперва он собирался пробыть здесь до национальных экзаменов, но теперь казалось... в этом больше не было необходимости.

Здесь и правда было хорошо: неизменные с самого детства зелень и синее небо, домик у озера всегда были ему дороги. Но он всё равно хотел вернуться. Никогда прежде он не испытывал такого желания.

Пробыв в Швейцарии около месяца, Фан Боцяо попрощался с бабушкой, дядей и его семьей и стал готовиться к вылету на Тайвань.

В аэропорту Джина с трудом сдерживала готовые сорваться с ресниц слёзы и сказала вполне серьёзным тоном:

— Братец, подожди! Очень скоро я приеду на Тайвань искать тебя, посмотрю, как выглядит тот самый хозяин портсигара!

— Перестань, Джина. — Фан Боцяо поморщился. С тех пор как она обнаружила этот портсигар, она донимала его этой темой ежедневно, и он ничего не мог с ней поделать. Она соизволила вернуть вещь обратно лишь накануне отъезда. — Никакого хозяина нет. Приглядывай за бабушкой в Швейцарии как следует и не вздумай куда-нибудь сбежать.

— А вот и есть! Противный, даже под конец не хочешь сказать мне правду... Вы что, поссорились? Или ты вообще ни в грош не ставишь меня как сестру? — Джина шмыгнула носом и уставилась на него. Если уж она упиралась, то упрямством могла поспорить с быком. — Всё равно! В следующий раз, когда я приеду на Тайвань, ты обязан отвести меня к ней!

Ей так хотелось узнать, как выглядит эта девушка... Раз уж она приглянулась брату Боцяо, то наверняка она потрясающая и очень красивая! Она даже тайком заглядывала в его бумажник, но не нашла там ни единой фотографии.

— Давай, по рукам! — Она протянула изящный мизинчик с упрямым выражением на лице.

...Похоже, Джина и впрямь намерена препираться с ним до победного. Фан Боцяо бросил взгляд на огромные часы в аэропорту, вздохнул и наконец немного уступил.

— Этот человек...

Он замолк и, заметив, как у Джины мгновенно округлились глаза от сосредоточенного ожидания, был вынужден добавить:

— ...Мы больше не вместе. Вот и всё... Больше об этом ни слова.

А? Расстались? Джина никак не ожидала услышать такой ответ и остолбенела на месте. А Фан Боцяо тем временем махнул ей рукой и подхватил чемодан, готовясь к посадке.

— Ты... тогда какого чёрта ты так носишься с этим портсигаром? Неужели ты до сих пор не можешь её забыть? Подумать только! Ты просто балбес, а ну стоять! — Внезапно опомнившись, она словно под воздействием неведомой силы сделала резкий шаг вперёд, ухватила Фан Боцяо за рукав и силой оттащила к большому стеклянному окну.

— Посмотри на себя, до чего ты себя довёл в последнее время?! Отец с бабушкой тоже заметили, просто всем неудобно было спрашивать! Ну и что с того, что расстались? Ты же явно всё ещё любишь этого человека, верно? Так попытайся вернуть её! Я не верю, что это так уж трудно, во всяком случае лучше, чем так заниматься самоистязанием!

— ... — Фан Боцяо на мгновение замер, вглядываясь в собственное отражение в стекле, после чего повернул голову к ней. — ...Я?

— А что! Я не права?! — Поймав его взгляд, Джина на секунду испуганно замерла, но тут же отпрянула, уперла руки в боки и воинственно выпалила: — Живо придумай, как с ней сойтись! Ужас просто, если дядя и остальные увидят тебя в таком виде, они ведь решат, что это мы в Швейцарии над тобой издеваемся!

Фан Боцяо опустил глаза и долго молчал, будто размышляя о чём-то. Наконец он покачал головой и снова взял чемодан за ручку.

— ...Спасибо, Джина, — тихо бросил он через плечо.

— За что спасибо... Эй-эй! Так ты в конце концов прислушался к моим словам или нет?..

Фан Боцяо шёл вперёд к выходу на посадку, ни разу не обернувшись. Джина прикусила губу, умолкла и проводила взглядом его прямую спину, пока она не удалилась и не растворилась среди толпы...

Её глаза покраснели, и слёзы наконец прорвали плотину.

После возвращения на родину размеренная жизнь Фан Боцяо почти не изменилась, он проводил целые дни за книгами.

Хотя старая травма ноги уже не беспокоила и позволяла заниматься любыми обычными видами спорта, когда Ли Юйцин и остальные звали его поиграть в баскетбол, чтобы снять напряжение перед экзаменами, он неизменно отказывался. Старые товарищи по команде думали, что он просто проявляет излишнюю осторожность со старой травмой, но истинную причину знал только он сам.

Стоило ему увидеть баскетбол, как он... Ему казалось, что он пока ещё не сможет к нему прикоснуться.

Даже по возвращении на Тайвань от того человека по-прежнему не было никаких вестей. Он не пытался нарочно разузнать о нём... да и понятия не имел, как именно это сделать. А может, тот человек снова уехал в Америку...

Так было бы лучше всего: разорвать дистанцию между ними как можно сильнее, а затем позволить времени стереть всё прошлое... Рано или поздно оно ведь сотрётся, какими бы глубокими ни были оставленные им шрамы... Наверное.

...Шли дни, и с каждым из них он, казалось, становился... всё менее и менее в этом уверен.

Днём аппетит пропадал, он почти ничего не мог съесть, а с наступлением ночи не удавалось спокойно даже уснуть. Фан Боцяо больше ни разу не вставал на домашние весы, а на вопросы родителей отвечал наспех заготовленными отговорками насчёт предэкзаменационного стресса и резкого снижения физических нагрузок.

Однажды ночью ему приснилось, будто этот человек снова обнимает его, и иступленная страсть жжет его изнутри, едва не обращая в пепел. Он проснулся, раз за разом выкрикивая имя того мужчины, сжав одеяло и дрожа всем телом, словно у него началась ломка от нехватки наркотика.

За окном брезжил рассвет. Поднявшись с постели, он направился в душевую. Ему казалось, что он безнадежен.

Сквозь ещё не рассеявшуюся прохладу ранней весны струилась холодная вода, непрерывным потоком стекая с волос по всему телу. Он крепко обхватил себя руками, не в силах унять неконтролируемую дрожь. Сколь бы влажной и холодной ни казалась кожа на поверхности, казалось, это не способно потушить и искру внутреннего пламени — напротив, оно разгоралось лишь сильнее и жгло больнее.

Спустя неизвестно сколько времени, полностью осознав эту истину, он протянул побледневшую руку и перекрыл воду.

Тело остыло, голова раскалывалась от боли, однако разум ещё никогда не был столь кристально чистым.

Настолько чистым, что в нём осталась лишь одна-единственная мысль... Сбросив все покровы и обнажившись до предела, она лежала перед ним наотмашь. Он больше не мог лгать самому себе, делать вид, будто ничего не происходит, и равнодушно отводить глаза.

Он хотел его увидеть... Хотел увидеть. Неважно, насколько эта связь была неприемлема для

общества, неважно, протестовали ли обе семьи.

Неважно, что между ними всё началось с безжалостного контракта.

Он просто хотел его увидеть.

Хотя сегодня была суббота, родителей не было дома с самого раннего утра — должно быть, они отправились на плановое восхождение в горы, организованное хирургическим отделением, и вернутся ближе к восьми часам.

Фан Боцяо спустился вниз и через силу сделал пару глотков за завтраком. После чего, под озадаченными взглядами Анны, он в одиночестве уселся в гостиной, молча дожидаясь возвращения родителей.

— ...Я не верю, что это так уж трудно!

Слова Джини эхом отдавались у него в голове. Неожиданно уверенный вид младшей кузины, находившейся далеко за границей, в этот момент действительно придавил ему капельку мужества.

Стоя перед этим необычайно величественным зданием финансового центра, Фан Боцяо нахмурился, глядя на внушительные мраморные ступени, вращающиеся стеклянные двери, высокие сводчатые холлы и бесчисленных спешащих туда-сюда офисных работников. На мгновение он заколебался: стоит ли вообще заходить внутрь? Даже если он войдёт, как ему кого-то найти? Дверь квартиры заперта наглухо, а где настоящий дом этого человека, он понятия не имел.

— О? Студент Фан?

Пока он в нерешительности стоял на месте, возле него резко затормозил чёрный седан. Из машины вышел одетый с иголки мужчина в костюме и зашагал к нему с удивленной улыбкой на лице.

— Как здорово, я как раз собирался тебя навестить. Ты меня помнишь?

— ...Доктор Пэй?

Хотя они виделись всего раз, да и был он одет совсем иначе, Фан Боцяо узнал его с первого взгляда. Такой высокий рост трудно забыть, к тому же... он ведь старший брат Пэя.

Пэй. Про себя повторил он это имя, глядя в глаза мужчины, где за мягкой улыбкой не удавалось скрыть следы измождённости, и его сердце вдруг странно сжалось.

— Необъяснимые приступы аномальной электрической активности?

— Верно. Возможно, это связано с черепно-мозговой травмой, но никаких отклонений мы выявить не можем, медикаменты тоже не помогают. Честно говоря, скорость его восстановления приводит в изумление даже его лечащего врача. Рана на голове зажила прекрасно, по идее, столь тяжёлых последствий быть не должно, однако приступы наступают с невероятной силой, без всяких предупреждений и длятся очень долго. Почти каждый раз его жизнь удается спасти лишь ценой невероятных усилий...

Дежуривших сиделок уже несколько раз сменяли, а старший брат, готовый дежурить у больничной койки при любой возможности, был на пределе, истощив все душевные силы. Приступы выглядели чересчур пугающе: казалось бы, в обычное время он выглядел вполне нормально, мало того, этот парень даже не задерживался в палате и частенько сбегал на крышу больницы покурить, прихватив капельницу со стойкой прямо поверх бинтов, доводя до белого каления главврача и старшего брата. Но стоило хоть на миг потерять бдительность, как в следующую секунду он мог впасть в кому и перестать дышать.

— ...Остаться в живых после ранения в голову — уже чудо.

— Ты держисься гораздо спокойнее, чем я предполагал. — Пэй Иньсюань задумчиво скользнул взглядом по заметно осунувшемуся парню рядом. Припарковав машину, они вместе вошли в главный вход больницы и поднялись на лифте прямо на этаж ВИП-палат. — Если... я говорю если, с Чэном действительно что-то случится, как ты поступишь?

Фан Боцяо лишь покачал головой и ничего не ответил. Пэй Иньсюань пристально вглядывался в его чёрные, словно водная гладь, зрачки, пытаясь уловить хоть малейший отблеск эмоций, но к своему удивлению заметил на его слегка бледной щеке несколько красных полос. Поскольку они пришились на правую сторону лица, во время вождения он их не заметил, но сейчас, в ярком свете больничных ламп, они бросались в глаза.

...След ладони? Не может быть, кто тебя ударил? — Пэй Иньсюань опешил, и, заметив, что тот по-прежнему молчит, инстинктивно выпалил: — Неужели твой отец?

По реакции собеседника он сразу понял, что угадал. — Да как же так? У доктора Фана такой мягкий нрав, я слышал, он никогда не ругает детей, а тем более...

— Пустяки. — Бесстрастно оборвал его Фан Боцяо: — Я пошёл против воли отца, меня за дело ударили.

— ...»Пошёл против воли»? — услышав это словосочетание, совершенно не вязавшееся с сидевшим перед ним подростком, Пэй Иньсюань озадаченно нахмурился и уже хотел расспросить дальше, как вдруг раздался резкий трезвон звонка, доносившийся из палаты в дальнем конце коридора. Выражение его лица мгновенно стало суровым.

— Чёрт, это Чэн! Опять приступ!

Оба стремглав бросились туда. Распахнутая настежь дверь палаты кишела врачами и медсёстрами, которые в суете столпились вокруг кровати, лихорадочно пытаются реанимировать больного. Пэй Иньсы стоял в стороне, его брови сошлись на переносице в глубокую складку, а седых волос за каких-то пару месяцев прибавилось втрое. Пэй Иньсюань подошёл ближе и утешительно похлопал старшего брата по плечу.

После подачи кислорода, введения успокоительного и препаратов-антагонистов состояние наконец удалось временно стабилизировать. Убедившись, что непосредственной угрозы нет, медики один за другим покачали головами и гуськом покинули палату, а братья Пэй облегчённо выдохнули. Фан Боцяо же всё это время неподвижно стоял у дверей, не мигая глядя на мужчину на постели.

Мужчина в кислородной маске, с капельницей, погруженный в глубокий сон... Какая же незнакомая картина...

Ухватившись за стену, он на мгновение замер, не в силах сделать и шага вперёд, в то время как глаза сами собой, жадно и бездумно, впитывали этот образ. Возможно, потому, что волосы мужчины стали короче, а возможно, потому, что прежде ему никогда не доводилось видеть его спящим. Тот всегда засыпал позже него, а просыпался раньше.

— Старший брат, старший брат. — Повторив зов несколько раз и наконец добившись ответа, Пэй Иньсюань горько усмехнулся и кивнул на стоявшего позади парня. — Я привёл «его»... Давай они побудут вдвоём, выйдем пока?

— Это кто? — Пэй Иньсы с минуту всматривался в подростка, после чего озадаченно переспросил. Лицо казалось смутно знакомым, но он никак не мог вспомнить, где его видел.

— А? — Пэй Иньсюань опешил, испытав внутреннее потрясение. — Старший брат, это же студент Фан. Ты... не помнишь?

Пэй Иньсы слегка вздрогнул, на его лице мелькнуло осознание, словно он вспомнил всё только сейчас. Вид у него сделался несколько смущенным, однако он всё же послушался старшего брата и вышел вместе с ним из палаты, оставляя личное пространство двоим внутри.

Устоявшиеся взгляды невозможно изменить по щелчку пальцев, и хотя принять всё до конца он пока был не готов, но уже начал пробовать отступать.

Хоть он и не желал признавать этого, но понимал: ключ к улучшению странного недуга сына крылся, судя по всему, именно в этом мальчишке.

— Ты спишь? — Нарушил долгую тишину палаты спокойный шёпот Фан Боцяо, медленно

приближавшегося к постели. — Или не хочешь меня видеть?... Думаю, скорее второе.

— Как мне вымолить твоего прощения? Ты очень жесток, всегда знаешь, как сделать мне больнее всего. И когда мы только познакомились, и теперь... Что, если бы та пуля прошла чуть в стороне? Ты ведь чуть не умер. А я в это время был за границей и ничего не знал.

— Быть может, ты считал, что даже после твоей смерти я смогу преспокойно жить дальше. Я и сам верил, что способен не замечать этого чувства... Хотя и осознал его существование уже давно. Наверное, даже раньше тебя. Хотя я всё равно не понимаю, почему наши отношения скатились к такому...

— Я всегда слишком о многом тревожусь. Не то что ты — поступаешь по-своему и плевать хотел на чужие мнения.

<http://bllate.org/book/21140/2144095>